

Гульнара Амановна Айтпаева,
доктор филологических наук,
и.о. профессора кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы,
факультет русской филологии, Кыргызский национальный университет.
культурно-исследовательский центр Айгине, директор

УДК: 394.011 (575.2) (04)

Языковой вопрос в годы перестройки в Кыргызской Советской Республике (1986-1989 годы).

Ключевые слова: перестройка, кыргызский, русский язык, традиционный, практики, частный, общественный.

Введение

Сегодня Кыргызстан известен миру как беспокойная и революционная страна, которая в 2005 и затем в 2010 изгнала двух президентов. Однако всего лишь двадцать лет назад Советская Киргизия была одной из наиболее спокойных и предсказуемых республик Советского Союза, которая заявила о своем выходе из состава СССР одной из последних.

На основе материалов периодики того времени и ряда интервью, автор статьи предлагает концепцию, что в период перестройки в Советской Киргизии первым «детонировал» языковой вопрос и с него началось продолжающееся до сих пор, на протяжении двадцати лет, национальное и социальное беспокойство. Анализ разных источников показывает, что реальная языковая ситуация в республике, а именно – роль и место русского и кыргызского языков в общественной сфере, стала одновременно причиной и средством относительно быстрого взлома системы советских норм. Однако воспоминания очевидцев и творцов перемен 1986-1991 годов показывают, что языковой вопрос был наиболее очевидной проблемой и в этом смысле - вершиной социального айсберга, который стал быстро всплывать в последующие годы. Намеренно обходя общее описание языковой политики в годы «развитого социализма» в Киргизии, мы показываем ее содержание и направление через реакцию конкретных людей в конкретный исторический период.

Данная статья написана в рамках проекта «История перестройки в Центральной Азии и Монголии», в котором автор принимал участие в 2010-2013 годах. Проект реализован при финансовой поддержке Фонда Фольксвагена.

Смена имени есть смена судьбы.

Одно из базовых понятий кыргызского традиционного мышления выражено строкой из эпоса "Манас"(1): «ат асмандан дечу эле» - говорили, что имя дается небом. Если опираться на эпос как на источник традиционных знаний, то выбор имени у кыргызов был актом сакральным. Впрочем, известный русский этнограф Лев Штернберг на основе многолетних исследований утверждал: "Во всех древних религиях Азии таинственное имя рассматривалось как нечто реальное, как существо, обладавшее даже индивидуальным существованием и властью над природой и миром духов», (2). Если первое имя в народных традициях давалось, как правило, старейшинами или старшими в семье, или

людьми, имеющим отношение к высшим, то следующее, если происходила смена имени, человек заслуживал сам.

В период перестройки вопрос о названии коренного народа, республики и затем страны вошел в такое русло обсуждения, где впервые за долгие советские годы публично была заявлена традиционная точка зрения: имя определяет судьбу, и если кыргызы хотят восстановить свой язык, историю, культуру, необходимо вернуть этноним "кыргыз" в название республики (3). В этой связи споры развернулись между следующим написанием и произношением: киргизы или кыргызы? Киргизстан или Кыргызстан? Эти, казалось бы, сугубо языковые: орфоэпические и фонетические различия стали одними из наиболее обсуждаемых и горячих тем в периодике времен перестройки.

До ожесточенных споров Киргизстан или Кыргызстан было еще одно название советской республики - Киргизия. В советские годы оно было типичным и таким же нормальным, как название других республик: Грузия Армения, Молдавия. И таким же нормальным, как села Соколовка, Орлиновка, Отрадное, Михайловка, Ананьево и тысячи других, расположенных по всей республике, в том, числе, в самых отдаленных ее уголках. Однако на волне ошеломительных перемен, охвативших советскую державу, устоявшиеся нормы стали быстро расшатываться. Гладкое русское слово Киргизия и сотни других русских названий переставали быть нормой с точки зрения пробуждающегося национального духа кыргызов. Это состояние пробуждения, сопровождавшееся серией вопросов, отражено в стихах того периода:

*Кыргыз жери кыргызча эмес,
Малиновка, Калиновка, Ивановка.
Кыргыз жери кыргызча эмес,
Заготзерно, Ново-Российка, Молзавод.
Кыргыз жери кыргызча эмес,
Михайловка, Ключевка, Конезавод!
Кыргыз жерим,
Кызың жокпу
Кыйналып турганыңда,
Кырчооңдо апалаган.
Кыргыз жерим,
Балаң жокпу?
Башыңа иш түшкөндө аталаган.
Кыргыз жерим,
Атың жокпу?
Атың кана
Ата-бабаң калтырган (4)*

Кыргызская земля не по-кыргызски,
Малиновка, Калиновка, Ивановка.
Кыргызская земля не по-кыргызски,
Заготзерно, Ново-Российка, Молзавод.
Кыргызская земля не по-кыргызски,
Михайловка, Ключевка, Конезавод!
Кыргызская земля,
У тебя нет дочерей,
Которые плакали бы с тобой, когда тебе плохо?

Кыргызская земля,
У тебя нет сыновей,
Которые были бы с тобой в трудные минуты?
Кыргызская земля,
У тебя нет своего имени?
Где имя твоё,
Оставленное предками?

Именно русская топонимика стала одной из самых первых и острых причин беспокойства кыргызов в середине 80-х годов. На волне ошеломительных перемен, охвативших всю советскую державу, устоявшиеся нормы стали быстро расшатываться. Русские топонимы, в том числе, Киргизия переставали быть нормой с точки зрения пробуждающегося традиционного самосознания кыргызов. По воспоминаниям известного музыканта-комузиста Нурака Абдырахманова: *«Киргизия деп өлкөбүздү кайсы бир жок аял аты менен аташты»* (Назвали нашу страну несуществующим женским именем Киргизия). В самом деле, в языке кыргызов нет категории рода. Кроме того, в слове Киргизии отсутствует часть **-стан**, которая в качестве второго корня в сложных тюркских словах или в качестве суффикса в других языках передает один и тот же смысл - «страна», или, как минимум, отдельная административно-территориальная единица (5). Под натиском перемен общественная оптика в республике быстро менялась, и не только коренные жители республики, но и почти равные им по количеству граждане других национальностей вынуждены были обратить внимание на несоответствие привычного названия республики месту и времени. Видимо, по этой причине спора о сохранении названия Киргизия в периодике тех лет практически нет. Компромиссным заместителем названия Киргизия стал Киргизстан, и основные споры развернулись между словами **Киргизстан** и Кыргызстан.

Острая общественная дискуссия, по существу, сводилась к двум позициям, которые можно обозначить как языковая-фонетическая и языковая-историческая. Представители первого, чисто языкового подхода, настаивали на том, что любому языку свойственны свои законы произношения и написания, и они должны сохраняться при функционировании данного языка. "Кыргызстан - это по-киргизски! А по-русски Киргизстан",- писал читатель журнала "Литературный Кыргызстан" С.П.Петель в марте 1991 года (6).

Для представителей второй позиции язык - это, прежде всего, средство сохранения и передачи информации. Уникальную роль языка в сохранении древнейших традиций и реалий прошлого за много лет до перестройки показал казахский поэт и исследователь Олжас Сулейменов в эссе «Аз и Я» (1975). Он использовал язык как источник исторической информации и сделал сенсационные открытия в области тюрко-славянских связей, в истории создания и в толковании знаменитого сказания "Слова о полку Игореве". К тому времени "Слово о Полку Игореве" давно уже было признано классикой и гордостью русского фольклора. Эссе Сулейменова вызвало жесткую критику со стороны мэтров советской русской академической науки (7). В середине семидесятых - в годы, названные "брежневским застоём", это было одно из тех единичных публичных событий, которое задевало и активизировало чувство национального самосознания как участников, так и наблюдателей. Казахский поэт, исследователь имел все основания сказать о языке: «Наиболее объективный, беспристрастный документ прошедших эпох. Он лишен предвзятости летописцев. Он вне временных предрассудков, не подвластен

идеологическим колебаниям. Самый точный источник» (8).

Сторонники позиции исторической достоверности сражались в общественных дискуссиях за то, чтобы республика получила исторически точное название. По большей части эта инициатива исходила от знатоков кыргызской истории, языка, устного народного творчества (8). Увы, среди таких знатоков, в силу языковой и культурной политики, проводившейся в советской Киргизии, почти не было представителей других национальностей, кроме самих кыргызов. Редкие знатоки кыргызской словесности такие, как выдающийся ученый Евгений Поливанов, который заложил основы профессионального перевода эпоса «Манас», были репрессированы в 1937-1939 годах (9).

Открытие широкой общественной дискуссии "кыргызы или кыргызы", написание и произношение через букву и или через букву ы, свидетельствовало о ломке устоявшихся общепринятых норм не только в сфере языка - это чувствовали или понимали жители республики. Отсюда высокий эмоциональный накал газетных и журнальных статей на языковую тему. По свидетельству нескольких русскоязычных кыргызов-информантов, даже для них, этнических кыргызов, процесс перехода от **и** к **ы** протекал болезненно. Чинара С, 56 лет, коренная горожанка, вспоминает, что ее раздражало это "вдруг" появившееся "ы", она не понимала "зачем нужно ломать язык" и переходить на «ненормальное Кыргызстан». Точно такое же отношение раздражения и непонимания было среди ее интернациональных родственников. Через 25 лет Чинара стала одним из наиболее активных пропагандистов кыргызчылык - комплекса традиционных норм и ценностей, в возрасте за пятьдесят она начала публично говорить на кыргызском языке и утверждает, что сегодня среди ее многочисленной и разнорасовой родни ни один человек не говорит Киргизия или Киргизстан - только Кыргызстан: "и ничего, прекрасно получается!" (10). На вопрос, как она сегодня реагирует на то или другое произношение названия страны, Чинара отвечает, что произношение "Киргизия" задевает ее: "для меня это показатель пренебрежительного отношения к нам". Подобную точку зрения мы встретили еще в нескольких интервью. Эта группа информантов - бишкекчане, в возрасте от 45 до 60 лет, этнические кыргызы, с высшим образованием, первым и по сути родным языком которых является русский, - подчеркивали, что новое название страны ознаменовало начало новой истории, называть страну по-старому означает игнорировать это изменение.

Так, 25 лет назад кыргызская интеллигенция, в первую очередь, такие писатели, как Туголбай Сыдыкбеков, Чингиз Айтматов, Казат Акматов начали дискуссию о восстановлении исконного корня кыргыз в названии страны, обладая традиционными знаниями о взаимосвязи имени и судьбы (11). Через 25 лет после перестройки традиционная схема: "смена имени есть смена судьбы" продолжает влиять на воспроизведение и восприятие названия страны.

Общественные тенденции и частный опыт

Языковая дискуссия всколыхнула молодежь. В 1987 году в Кыргызском государственном национальном университете при историческом факультете возникло Общество молодых историков, при филологическом факультете образовался клуб «Замандаш» (Современник), в Москве кыргызские студенты объединились в организацию «Акыйкат» (Справедливость), в Ленинграде - в союз «Ак Кеме» (Белый пароход). Поначалу это были студенческие организации, цели которых определялись языковой и профессиональной сферами. Вопросы политического характера студенческие круги

поначалу не поднимали. Но уже весной 1989 года молодежные специализированные организации стали политизироваться и вошли в первое национал-демократическое объединение «Асаба», а в мае 1990 влились в КДК - Кыргызстан демократиялык кыймылы (Демократическое Движение Кыргызстана). КДК первым поставил вопросы не языка и истории, но государственного самоопределения (12).

Если на уровне общественных дискуссий отстаивалось право на исторически достоверное название страны, то на уровне частной жизни именно в период перестройки начался процесс восстановления традиционной формулировки имени и фамилии человека. До первых контактов с русскими властями, а в массовом порядке - до установления советской системы у кыргызов не было фамилии. Обычно человек именовался как сын или дочь своего отца (или деда, или другого предка по отцовской линии), например, традиционная структура моего имени Аман кызы Гульнара. В интервью основателя и президента компании "Кыргыз концепт", бывшего министра экономического развития (2010-2011) Эмиля Уметалиева мы находим чрезвычайно интересный опыт, может быть, одной из самых первых попыток реконструкции традиционной модели имени: "на волне эйфории национального самосознания у меня было большое желание помочь развитию кыргызского языка - языка выживания. Я свою первую дочь, которая родилась в 1989 году, назвал Эмиль кызы и отдал в детский садик кыргызский. В последующем и первое, и второе решение были изменены, потому что кыргызские детские садики оказались с пониженным качеством воспитательных услуг. Я, отводя и приводя своего ребенка, стал замечать, что уровень грубости и непедагогичности в этих садиках намного выше, чем у доминирующих городских садиках на русском языке. Не только потому, что не было персонала, а потому что были они с заведомо заниженными стандартами качества. К моему ребенку было неоднозначное отношение, возможно, на этой волне национальной эйфории (кыргызов) была обратная реакция у другой этнической групп(русских). И их настороженность проявлялась к внешним символам. Например, если ребенок с не стандартным именем, отчеством и фамилией, тогда к нему было отношение как к ребенку крайнего националиста, по-другому не могло быть. Когда я стал замечать, что это самое главное (для воспитателей), и это дает не комфортное отношение во взаимоотношениях с ребенком, я вернул ей стандартное имя" (13).

Этот случай показывает тот разрыв, который существовал между общественными тенденциями и повседневными практиками. В 1989 году был уже принят Закон о государственном языке, который признавал кыргызский язык – государственным, а русский – языком межнационального общения. В 1989 году уже возникли движения «Асаба» и «Ашар», приоритетом которых было восстановление и развитие всех звеньев «исконного» кыргызского мира. Но на уровне частной жизни и повседневных практик попытка реконструкции традиционной модели имени человека даже в начале 90-х годов оказалась преждевременной. Эмиль Уметалиев в данном случае не приводит конкретных деталей "некомфортного" отношения русских воспитателей к ребенку с традиционным кыргызским именем. Но множество деталей такой "некомфортности" можно встретить в других интервью и вспомнить из собственного опыта. Вербальное, а чаще и больше невербальное сопротивление "другой этнической группы" вынудило Эмиля Уметалиева вернуться к советским стандартам.

На основе этого и других интервью можно увидеть соотношение общих тенденций и частного опыта. На уровне высоких государственных структур республики, которые подчинялись указаниям из центра, из Москвы, уже полным ходом принимались новые

законы и постановления, а на уровне индивидуального человека и его жизни работала мощная сила инерции. Должно было пройти время, накопиться новый опыт, чтобы отдельно взятый гражданин, пытавшийся вернуться к тем или иным традиционным нормам, преодолел инерционное сопротивление.

“Спор задел душу народа”

На вопрос, почему название страны вызвало такие бурные споры, один из информантов, для которого этот спор не имел принципиального значения, Султан Сарыгулов, 56 лет, свободно говорящий на русском и. кыргызском языках, ответил: "для меня это вопрос не имел серьезного смысла. Сам по себе он был чисто языковым, ведь каждый язык имеет свою специфику, и мы на кыргызском говорим не русский, а орус. **Но в то время этот спор задел душу народа**" (14). Информанты приводят много примеров из собственной практики: "нас ведь в общественном транспорте русские одергивали и стыдили, когда мы заговаривали на своем языке", - вспоминает народный артист Кыргызстана, известный музыкант Нурак Абдрахматов (15). Эмиль Уметалиев вспоминает: "Я видел, как моя мама, обращалась к общественным услугам - медицинским услугам и т.д. Плохо знала русский язык, а ее кыргызский не приветствовался, а более того дискриминировался. А для меня, ребенка, который был рядом, было недоумение: почему для гражданина страны нельзя информацию сделать доступной, на понятном ему язык? Речь идет не только о кыргызском языке, а вообще. Почему услуга, которая по социалистическим принципам именно социалистическая услуга, направленная на благо человека, дискриминирует его право? У меня все это вызывало недоумение" (16).

Советский строй обеспечил массовую грамотность, медицинское обслуживание и много других социальных благ - когда речь по какой - то причине заходила об этом аспекте советской действительности, ни один, будь- то русскоговорящий или кыргызговорящий информанты, этого не отрицали, напротив, часто подчеркивали. Но при этом подавляющее большинство информантов-кыргызов говорили о том, что национальные чувства кыргызов в советское время в той или иной мере ущемлялись. На основе этого логично предположить, что какая-то часть кыргызов осознанно, какая-то - неосознанно переживала "национальную травму", и языковая дискуссия периода перестройки, спор вокруг букв "и" и "ы" задел и разворошили эту травму. Кинорежиссер, сценарист, главный редактор киностудии Кыргызфильм Эмиль Джумабаев признался в интервью, что плохо знает кыргызский язык и до сих пор говорит только на русском языке, но это не помешало ему сделать следующее заключение: " Кыргызцы вот такой народ, мы очень миролюбивые, добродушные и нас можно долго давить до определенной границы. Потом начинаются взрывы. И за годы Советской власти много что было подавлено, после этого открыли крышку. " (17).

В советской Киргизии периода перестройки "новая общность - советский народ" стала менять конструкцию: некогда ядерные компоненты вроде "старшего брата - русского народа" начали перемещаться на периферии, а то, что было периферийным, стало переходить в центр. Просматривая периодическую перестроечную литературу, можно увидеть четкую тенденцию того, что национальная принадлежность определяла позиционирование по фонетическому или историческому принципам. Большинство русских, защищая фонетику русского языка, по сути защищало устоявшиеся права на преобладание русского языка во всех общественных сферах жизни республики.

Большинство кыргызов, ратуя за восстановление исторического самоназвания, ратовало за восстановление права быть народом со своим языком, культурой, историей.

Однако необходимо отметить, что среди русских были такие, как доктор филологических наук, профессор Михаил Рудов, который в уже упомянутой дискуссии 1991 года в "Литературном Кыргызстане" писал: "Согласитесь, что каждый народ имеет неоспоримое право называть свою страну, свою историческую родину так, как он считает нужным. .. Республика Кыргызстан! Так и надо писать на русском языке, другого названия просто не существует. Этикет уважения к народу и его Верховному законодательному органу побуждает и в произношении соблюдать написание Кыргызстан, через Ы, а не И. Это и не вызывает никаких трудностей для говорящего на русском языке." (18). В те же годы среди кыргызов были такие, как доктор географических наук Эмиль Шукуров, который в интервью подтвердил, что и сейчас, и 25 лет назад он не видел принципиальной разницы между словами Киргизия и Кыргызстан (19).

Профессор Михаил Рудов и профессор Эмиль Шукуров в момент перестройки сумели «выпасть» из главной тенденции того времени. Тенденция заключалась в том, что по содержанию и стратегиям языковая-фонетическая и языковая-историческая позиции в отношении названия страны отражали базовые интересы двух больших этнических групп - русских и кыргызов. Другие этнические группы, проживавшие тогда в республике, по преимуществу были вынуждены примкнуть к одной из больших групп.

По сути, языковая дискуссия перестроечных лет была самым первым видом борьбы за жизненное пространство в рамках советской Киргизии. Массовая эмиграция русских и других русскоговорящих народов сразу после принятия Закона о государственном языке в 1989 году является фактом, подтверждающим это. Другим подтверждением этого является возникновение в том же 1989 году движения «Ашар», которое возглавило движение сельской кыргызской молодежи по освоению земель вокруг столицы советской Киргизии города Фрунзе. Ашар – старинная форма самоорганизации людей, которые только совместным действием могут решить жизненно насущные проблемы (20). В течение последующих 25 лет на основе этой традиционной формы объединенного действия будет восстановлена сеть традиционных практик «Арыш» (20).

Противостояние Киргизия – Киргизстан - Кыргызстан обострило и ускорило не только национальное самосознание русских и кыргызов, проживавших в республике, но обозначило социальную оппозицию кыргызы- киргизы, т.е впервые обозначило наличие разных культурно-языковых образований внутри одной этнической группы. Знание - незнание кыргызского языка стало первым и главным критерием разделения. Из оппозиции кыргызы-киргизы в последующие годы выросло разделение на традиционалистов и модернистов, почвенников и западников, националистов и космополитов. Но в годы перестройки эти процессы только начинались. На основе анализа периодики того времени и почти полсотни проведенных интервью можно заключить, что до 1990 года в республике преобладала философия отстаивания прав на полнокровное развитие кыргызского народа в рамках советского союзного государства. Это был тот вид национализма, который синонимичен патриотизму и любви к родине.

Однако в начале 90-х годов этот национализм начинал менять свою природу под влиянием внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам можно отнести те самые повседневные практики вроде обучения в школе и вузе, проезд в общественном транспорте, посещение больниц, собрания в цехах - везде шла борьба за новые правила и

против них. «Когда вошли русские (в автобус), мы специально заговорили погромче (на кыргызском). А они стали надсмехаться. От этого мы пришли в ярость», - вспоминает один из участниц фокус-группы, приехавшая в 1990 году из села поступать в институт (21). К внутренним факторам так же следует отнести художественную и историческую литературу, появившуюся в годы перестройки. Не менее существенную роль в радикализации и политизации кыргызского самосознания сыграл внешний фактор, а именно – те процессы самоопределения и суверенизации, которые гораздо раньше начались в Прибалтике и на Кавказе. Годы перестройки – это самые последние годы советского режима. В то время еще сохранялось единое информационное пространство, и мощная советская сеть вещания еще не была разрушена. События, происходившие в Эстонии или Грузии, мгновенно доходили до других субъектов Союза и становились предметом обсуждения в частных и публичных сферах. Система СМИ, работавшая раньше на мощь и скрепление советской державы, теперь подтачивала ее основы. Известный писатель Казат Акматов вспоминает, что кто-то назвал Киргизию тех лет «неизвестной республикой» из-за ее тогдашней «неактивной», «несамоопределяющейся» позиции, и «это определение задело честь кыргызской интеллигенции» (22).

Заключение

Временная перспектива в 25 лет, отделяющая современность от перестройки, при проведении нашего исследования играет неоднозначную роль. С одной стороны, это – относительно близкая история, когда живы многие творцы, участники и очевидцы перестройки. И они - бесценный источник, чтобы увидеть само содержание, разные уровни и смыслы перестроечного процесса. Это источник, позволяющий восстановить повседневность того периода, частный опыт людей в соотношении с крупными историческими событиями. С другой стороны, временная перспектива позволяет увидеть наиболее устойчивые тенденции и процессы, начавшиеся во времена перестройки.

Однако историческое месторасположение перестройки - между двумя грандиозными эпохами, советской и независимой, рождает некоторые трудности. Перестройка теряется между ними, она становится как бы придатком периода независимости. Многие информанты, особенно сельчане, рассказывали о процессах и событиях первых лет независимости как о перестроечном времени. Некоторые информанты не сразу могли сориентироваться, пока не называлось имя Михаила Горбачева.

Зримая перестройка в советской Киргизии началась именно с языкового вопроса: преобладание русского языка и вытеснение кыргызского языка перестало быть нормальным. Первый этап бурных дебатов вокруг языкового вопроса завершился в 1989 году принятием Закона о государственном языке. Массовая эмиграция русских жителей республики, с одной стороны, и самый первый захват земель в столице кыргызами, годами жившими на частных квартирах, произошли в том же 1989 году. Такая взаимосвязь событий сделала очевидной роль языка во владении и управлении социальным пространством в Советской Киргизии, особенно в его городской части.

Судя по нескольким глубинным интервью, проведенных в ходе данного исследования, языковое неравенство было не единственным видом неравенства в нашей республике. Социальные стандарты жизни кыргызов, особенно в городе Фрунзе, по многим причинам, были ниже, чем у проживавших рядом русских. Перестроечные

процессы сделали видимым языковое и социальное неравенство проживающих в одной республике этнических групп, одна из которых была коренной.

В ситуации изменения языковых приоритетов впервые наметилась проблема "разлома" внутри коренной этнической группы. За годы советской власти с соответствующей языковой (шире - национальной и государственной) политикой к 80-м годам в Кыргызской республике уже выросло не одно поколение кыргызов, плохо или совсем не говорящих на кыргызском языке. Эти люди и сейчас предпочитают говорить на русском языке: из сорока интервью, проведенных Айнурой Тургангазиевой в рамках данного исследования в городе Бишкеке среди кыргызской интеллигенции, 19 интервью прошли на русском языке, что составляет 47,5 процентов от общего количества информантов (23).

Принцип знания-незнания языка стал критерием, по которому представители одной национальности разделились на две большие группы: кыргызов и киргизов. Разница между ними была в том, что за редким исключением кыргызы были в той или иной степени двуязычны и проживали по всей республике. Киргизы из двух главных местных языков говорили только на русском и проживали в городах и поселках городского типа. В годы независимости это разделение станет почвой и одной из причин возникновения гражданских сообществ, имеющих разное видение по перспективам развития страны.

В условиях всеобщей перестройки языковая дискуссия, развернувшаяся в 1986-1991 годах, стала самым первым средством пробуждения национального самосознания и механизмом возвращения традиционных концепций. Как свидетельствует интервью русскоязычного кинорежиссера, в годы перестройки молодые люди его круга стали носить колпаки, стилизовать старинные песни и совершать другие действия, которые демонстрировали их ориентацию на кыргызские корни.

Пока речь шла о языке, а так же истории, культуре, национализм как выдвижение и защита национальных интересов, имел один характер. К примеру, в выступлениях Чингиза Айтматова и его последователей вопрос кыргызского языка никогда не политизировался и не сопровождался идеями исключения или принижения других языков, шире - этнических групп. Поднимая языковой вопрос, эти люди защищали родной язык, поставленный в условия вымирания. Айтматов сам был блестящим билингвой, его писательскому и общественному успеху во многом способствовало превосходное знание русского языка. В той же степени Айтматов был знатоком и приверженцем традиционных знаний и ценностей. Духовное лидерство такой личности, как космополит и радетель родного языка Айтматов, в какой - то степени влияло на "сбалансированный" тип выражения национальных интересов.

Пик перестроечных событий в Кыргызстане пришелся на 1989 год. Не метафорически, но буквально: восстановив права материнского языка в виде Закона о госязыке, или обретя язык, кыргызы-квартиранты стали требовать изменений условий жизни. В тот год, когда языковой вопрос сомкнулся с социальным фактором, национализм стал политизироваться и менять природу. Теперь это было движение не только за интересы себя и своего народа, но и жесткое указание на принадлежность данной территории коренному народу - и в этом смысле это была борьба против других народов, населявших республику. Так, изменения в языковой политике перестраивали социальное пространство республики и усиливали националистический компонент перемен.

Ссылки:

1. Классический героический эпос «Манас», содержащий до 500 тысяч строк, занимает важное место в кыргызском народном творчестве. Более важным, чем размер, является тот факт, что эпос и манасчы – его сказители играли в традиционном кыргызском обществе чрезвычайно важную – объединяющую роль. Являясь самым большим эпосом в мире, «Манас» содержит колоссальное количество информации, которая накапливалась веками. В 20 веке такие ученые и писатели как Кадырбаева Р.З., Молдобаев И.М., Акмолдоева Б.А., Акматалиев А.А., Асанканов А.А. справедливо подчеркивали грандиозную масштабность и энциклопедический характер эпоса. Великий мастер слова Чынгыз Айтматов ввел эпитет «океаноподобный Манас». В веке нынешнем – наряду с энциклопедичностью, т.е. отображением многих сторон жизнедеятельности традиционного общества - чрезвычайно важным становится другое свойство древнего эпоса. «Манас» - не просто памятник ушедших эпох, не просто хранилище коллективных народных знаний. Манас - это живое, активно развивающееся явление. Появляются новые версии эпоса, серьезно отличающиеся от классических вариантов (Умот уулу, 2009) Появляются новые манасчы – сказители эпоса, носители эпического
2. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л., 1936. – С. 248
3. Боконбаев К.Д. Что проясняют слова? // Ала- Тоо, 1989, N4; Открытое письмо редколлегии газеты “Известия”// Советская Киргизия, 1989, 24 марта
4. Дуйшеев. Ш.Кайдыгерлик,- Бишкек, 1992.- С. 36
5. Русско-кыргызский словарь под общей редакцией К.К.Юдахина. - Бишкек, 2000.- С. 824
6. Петель С.П. Интервью \\\ Литературный Кыргызстан, 1991, №3- С.11
7. Фризман Л. Г. Возмутитель спокойствия. Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнем идеологической критики.- НЛЮ, 2002, №55.
8. Сулейменов О. Аз и Я // Сулейменов О. Аз и Я. Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. – Алма-Ата, 1990. – С. 433.
9. Шаповалов В. Соло на два голоса. Киргизская поэзия в русских переводах.- Бишкек, 1998. – С.58-74
10. Интервью с Чинарой Сейдахматовой, взятое Гульнарой Айтпаевой \\\ архив КИЦ Айгине
11. К.Акматов «Кунду айланган жылдар» (Годы, вращающиеся вокруг солнца) – Фрунзе, 1989; Т. Сыдыкбеков. Жол (Путь). – Фрунзе, 1982. Акматов К. Интервью // Вестник времени. – 1990. №3. – С.4-7
12. Снять перестройку с якоря. Заявление депутатской группы “За демократическое обновление, гражданское согласие в Киргизии» \\\ Советская Киргизия, 18 сентября, 1990; Снова по партийному сценарию? \\\ Советская Киргизия, 4 октября, 1990.
13. Интервью с Эмилом Уметалиевым, взятое Айнурой Тургангазиевой\ архив КИЦ Айгине
14. Интервью с Султаном Сарыгуловым, взятое Гульнарой Айтпаевой \\\ архив КИЦ Айгине

- 15.Интервью с Нураком Абдырахмановым, взятое Гульнарой Айтпаевой \ архив КИЦ Айгине
16. См: 13
- 17.Интервью с, Эмилом Джумабаевым пвзятое Айнурой Тургангазиевой\ архив КИЦ Айгине
- 18.Рудов М. А. Интервью // Литературный Кыргызстан, 1991, N3.
- 19 Интервью с Эмилом Шукуровым, взятое Гульнарой Айтпаевой \ архив КИЦ Айгине
20. <http://www.arysh.org/kgaryshorg/index.php>
21. Материалы фокус-группы \ Архив КИЦ Айгине
22. Акматов К. Окуялар, адамдар (миң бир күн) .- Бишкек, 1998.- Стр. 45-51
23. Архив КИЦ Айгине

Библиография:

1. Акматов К. «Кунду айланган жылдар» (Годы, вращающиеся вокруг солнца) – Алат-Тоо, Ала-Тоо, 1988, №10, №11; 1889. №1
2. Акматов К. Интервью // Вестник времени, 1990. №3
3. Акматов К. Окуялар, адамдар (миң бир күн) .- Бишкек, 1998
4. Айтпаева Г.А. Об автобиографической прозе Тугольбая Сыдыкбекова\Русский язык и литература в школах Кыргызстана.-1996, N3-4
5. Айтпаева Г.А “Көк асабада» көрүнгөн кылым \Ысык-Көл кабарлары, 1996,№57
6. Архив КИЦ Айгине.- 2011-2013
7. Боконбаев К.Д. Что проясняют слова? // Ала- Тоо, 1989, N4; Открытое письмо редколлегии газеты “Известия”// Советская Киргизия, 1989, 24 марта
8. Дуйшеев. Ш.Кайдыгерлик,- Бишкек, 1992
9. Ибраимов О.И. Испытание историей. Размышления и эссе о судьбе Кыргызстана
10. Кыргыз тилинин тушундурмо создугу (Толковый словарь кыргызского языка) - Фрунзе,1984
11. Рудов М. А. Интервью // Литературный Кыргызстан, 1991, N3
12. Русско-кыргызский словарь под общей редакцией К.К.Юдахина. - Бишкек, 2000
13. Петель С.П. Интервью \ Литературный Кыргызстан, 1991
14. Сыдыкбеков Т. Жол (Путь). – Фрунзе, 1982
15. Сулейменов О. Аз и Я // Сулейменов О. Аз и Я. Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. – Алма-Ата, 1990
16. Снять перестройку с якоря. Заявление депутатской группы “За демократическое обновление, гражданское согласие в Киргизии» \ Советская Киргизия, 18 сентября, 1990; Снова по партийному сценарию? \ Советская Киргизия, 4 октября, 1990
17. Фризман Л. Г. Возмутитель спокойствия. Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнем идеологической критики.- НЛО, 2002, №55
18. Шаповалов В. Соло на два голоса. Киргизская поэзия в русских переводах.- Бишкек, 1998.
19. <http://www.arysh.org/kgaryshorg/index.php>